

Олег Жолобов*

ВАРИАТИВНОСТЬ ЧИСЛОВЫХ ФОРМ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ: *SINGULARIS VS PLURALIS*¹

VARIABILITY OF NUMERICAL FORMS IN OLD RUSSIAN WRITING:
SINGULARIS VS PLURALIS

In the article, the variability of singular and plural forms is considered for the first time. It is proved that plural forms are marked and denote quantity as the form of the existence of objects.

Keywords: Old Russian, number, variability

Słowa kluczowe: język staroruski, kategoria liczby, wariantywność

Вариативность пронизывает все уровни древнерусской письменности, начиная с графико-орфографического оформления и заканчивая синтаксическим строем и лексическим составом, являясь „не проходящим этапом в истории образования нормы русского извода, но принципиальным свойством самой этой нормы” [Гиппиус, 1989, с. 95].

Древнерусские книжники изначально сталкивались с вариативностью при чтении и переписывании южнославянских рукописей различного происхождения. Вариативность как модель, в свою очередь, способствовала свободному введению в книжные тексты разговорных или диалектных форм. Книжная норма в силу ее природной вариативности вовсе не была барьером для проникновения в нее инноваций и диалектизмов. В результате рядом с варьированием единиц книжного происхождения складывалась вариативность иного порядка, свидетельствующая о динамике изменений в живом

* Кафедра русского языка и прикладной лингвистики, Институт филологии и межкультурной коммуникации, Казанский федеральный университет, ул. Кремлевская 18, 420008 Казань, Россия; e-mail: ozolobov@mail.ru.

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект 18-012-00307).

древнерусском языке, – диахронический тип вариативности [см. Ярцева, 1990, с. 17]. Книжный язык обогащал и обыденную речь. „С принятием христианства началось не вытеснение древнерусского языка на периферию культуры или даже за ее пределы, а его претворение, что вполне соответствовало духу христианства как религии преображения” [Камчатнов, 2008, с. 57].

Неординарный тип вариативности представлен формами единственного и множественного числа – Sg vs Pl. Обращают на себя внимание прежде всего случаи, где в современном русском языке вместо древней вариативности числовых форм обнаруживаются слова *singularia tantum* и *pluralia tantum*. Так, например, если в современном русском языке слова *кровь, ложь* (др.-рус. лъжа), *мясо* могут употребляться только в ед. числе, то в древнерусском языке наблюдается вариативность числовых форм, поскольку ограничений на использование форм мн. числа не существовало. См.:

нѣ моуичи нача лютѣ яко же и пастѣ всю расѣчи. и крѣкѣмѣ течениа изнести ЖФСт XII, 68 [СДРЯ IV: 309]; и шеккерниса кровѣми землѣа Руска ЛЛ 1377, 25 (980) [там же]; неподобнаа дѣла тѣорѣ. и мнози крѣки проилкаа ПрЛ XIII, 56 [там же: 310]; како кѣсантѣса кѣ ма истина яко лѣжами себе испаннаа нѣма СбТр XII/XIII, 60 [там же: 438]; О клѣткѣ и о различѣннѣхъ лѣжѣхъ ПНЧ XI V, 42 [там же]; ѿ сна ко кѣстѣхъ не на молку оумѣ прилагѣши, но како кѣи кого шѣлокии, лѣжами перемочи ко Свл XIII сп. к. XIV, 15 [там же]; я се оуручи городникоу... за кормѣ. и за кологоу. и за масѣ. и за рѣкѣи ѣзѣ коуна на недѣлю РПр сп. 1280, 625г [СДРЯ V: 116]; дѣшиа еиѣи... поча бѣждааи оуичи не кѣсти масѣ. кѣ Гѣдѣскѣна прѣздни^{кѣи} к средѣи и к пѣткѣи ЛЛ 1377, 118 (1164) [там же]; ѿко же к зѣлѣнѣхъ. тако и к масѣхъ. ѿ крѣднаго поѣрѣбноу изѣиракѣмѣ МПР XIV, 69 [там же] и др.

Напротив, современному русскому *plurale tantum соты* (др.-рус. сѣтѣи) в древности также соответствует вариативность числовых форм. См. в одном и том же контексте в *Слове на Фомину неделю* Кирилла Туровского в разных списках:

<p>Нѣина мнѣшаскаго шѣраза тѣудолоукиаа кчѣла скоу мѣдростѣ показѣиши кѣа оудиклѣтѣа ѿкоже ко шни к пѣстѣнахъ самокѣрнимѣ живѣище. анѣли и чѣлкѣи оудиклѣтѣа. и си на цѣкѣтѣи излѣтѣиши мѣдкѣнѣи стѣи стѣкарѣтѣа. да чѣккомѣ сладостѣ и цѣрки поѣрѣкнаа подѣстѣ СбТол XIII, 2 об.</p>	<p>на цѣкѣтѣи излѣтѣише, мѣдкѣнѣи <u>соутѣ</u> стѣкарѣтѣа КТур XII сп. XIV, 22 [СДРЯ IV: 515]</p>
---	---

Подобные случаи, когда в одном и том же контексте наблюдается мена числовых форм, наиболее ярко характеризуют вариативность Sg vs Pl. Этот тип вариативности лучше всего засвидетельствован в корпусах данных,

которые, в частности, образуют списки рукописных книг, имеющих общий протографический источник.

При определении семантического основания категории числа исследователи исходят из значений счётности, вещественности, собирательности [Лайонз, 1978, с. 298], исчисляемости и неисчисляемости [Шульга, 2003, с. 205 и др.]. Как показывают приведенные выше примеры, значения счёта, исчисляемости и неисчисляемости как категориальная основа числа не могут быть приняты. См. в дополнение к ним, в частности, примеры дв. числа „неисчисляемых субстанций” и сочетаний с собирательными числительными во мн. числе слов *pluralia tantum* в древнерусских источниках:

и сице глааше о оуѣхъ мнѣ гнѣ мон отъ дкою плачю плачю сѧ и стению дкою сѣтоканию сѣтоую и тоужю оуѣхъ мнѣ оуѣхъ мнѣ плачю зѣло по оци паче же плачю сѧ и отъчанахъ сѧ по теке крате и гнѣ корисе СБУ XII/XIII, 136; имата же цркви нисинская патера крата великана ПС к. XI, 131; того же петра покелѣ въ тѣкардоу тамъницу късадити и нозѣ шкоокати дѣкомн шкоокѣ Зл XII, 74 об.; а за дкое сани по ѣ коуно ГрБ № 601 (XII/XIII); близъ мѣдънѣхъ четверъ дварин ПрС XII/XIII, 110а; заповѣди свѣршима когда четверъ книги стѣхъ евангли сѧ хранима ѡко не аще сила деѣтаранаго числа мосеова четварамн книгамн стѣхъ евангли исплнитѣсѧ БГД XIII, 82г и т.д.

Полагаем, подобные случаи неординарного числового выражения и числовой вариативности имеют объяснение в двойственной природе словесных знаков – сигнификативной и денотативной. Подробнее мы на этом остановимся после наблюдений над языковыми данными. В дальнейшем отдельные примеры грамматической вариативности рассматриваются на материале древнерусских списков *Поучений Ефрема Сирина XIII–XIV вв.* – сборника текстов нарративно-гомилетического характера, которые имели литургическое применение в богослужении Великого поста [см. Жолобов, 2007; Жолобов, 2009; Жолобов, 2011].

Анализ разночтений в древнерусских списках *Паренесиса* Ефрема Сирина выявил широкий слой вариативности именных словоформ, связанных с категорией числа, в том числе в таких близких друг другу списках, как *Троицкий* (ЕфрСир ок. сер. XIV) и *Академический* (ЕфрСир 1377). Эти разночтения отражают динамические процессы, характеризующие развитие категории числа в древнерусском языке в целом, поскольку вариативность числовых форм представлена в списках разной хронологической и топографической принадлежности. Насколько нам известно, этот тип варьирования отдельно до сих пор не рассматривался [срв. Иорданиди, Крысько, 2000]. В работе [Конявская, 2004] словоформы мн. числа со смысловыми при-

ращениями рассматриваются в рамках словообразования и толкуются как *plurality tantum*, однако в приводящихся ниже примерах представлено именно варьирование числовых форм.

Определенную роль в развитии вариативности сыграл, как и во многих других случаях, греческий первоисточник, состав словоформ которого мог калькироваться в первоначальном славянском переводе. Однако роль греческого прототекста не нужно переоценивать, поскольку, как показывает анализ, славянские переводчики довольно свободно относились к греческому первоисточнику, когда дело касалось грамматических форм, они исходили из собственного „языкового чувства” и отклонялись от греческого текста (см., независимость славянских переводчиков при передаче греческих претеритов [Кузнецов, 2014, с. 277–279; Новак, 2016]). Кроме того, нужно иметь в виду, что мы имеем дело с позднедревнерусскими списками, изменения в которые вносились самостоятельно, без опоры на греческий текст, хотя, безусловно, под определенным влиянием антиграфических источников. Показательно варьирование числовых форм в тех разночтениях, которые не имеют греческих соответствий.

Примеров числового варьирования в рукописях очень много. Ниже приводятся лишь некоторые примеры вариантов в наиболее близких списках – *Троицком* и *Академическом*. В перечень разночтений включаются греческие исходные словоформы – в том столбце, чтение которого соответствует (иногда лишь условно) греческому первоисточнику (греч. дается по изданию [Vojkovsky, 1984; Vojkovsky, Aitzetmüller, 1986–1988]).

Бракъ

Ед. число	Мн. число
не кѣстѣ ли любилици моѣ. ѿко на бракъ сна сконго зкал нѣ кета цѣра црѣткующиѣхъ . ѿ грѣх грѣдткующиѣхъ ЕфрСир 1377, 109в8–13; чапа ѿзбавленѣ живѣти . ѿ книги на бракъ ѿдежю свѣтлу да стѣлжитѣ ЕфрСир 1377, 108в9–12	на бракъ сна своѣго ЕфрСир ок. сер. XIV, 98627–28 (εις τούς γάμους Acc Pl); къ жити на бракъ ЕфрСир ок. сер. XIV, 97в3–4 (εις τούς γάμους Acc Pl)

Грѣхъ

Ед. число	Мн. число
прежняющая къ грѣхѣ ЕфрСир ок. сер. XIV, 238г24–25 (текста этого Поучения в греч. нет)	си оубо творѣнѣ преже реченѣна зла ѿ бл҃гѣти ѿпаде . ѿ грѣх кѣму ползѣи не створи та прежняющая къ грѣхѣ ЕфрСир ЕфрСир 1377, 247а27–247б1

Нґра

Ед. число	Мн. число
<p>ДА ВЛЮДИСА Н ТґИ НЕ ЛЮКИ <u>нґрґи</u> . ДА НЕ ВКРАЩЕШИСА ТАМО Сґ ВЪСКОБЪСґИМИ САУ ГАМИ ЕфрСир 1377, 156г12–16 (τὸ παίζειν субст. инф.)</p>	<p>НЕ ЛЮКИ <u>нґрґа</u> ЕфрСир ок. сер. XIV, 145г13</p>

КЛЕКЕТА

Ед. число	Мн. число
<p>ЗАКНИТА ЖЕ И <u>КЛЕКЕТА</u> ЕфрСир ок. сер. XIV, 107в17–18 (καταλαλίαν Acc Sg)</p>	<p>ПРОЗОРАСґТКО ЖЕ Ї ВґИ СОКОМУ ДРАКЕ · И ТЩЕСЛА ВНИЕ · ЗАКНИТА ЖЕ И <u>КЛЕКЕ ТґИ</u> · ЧРЕКОВЫАДЕНИЕ ЖЕ ЕфрСир 1377, 120г7–10</p>

ЛНСТВНИК

Ед. число	Мн. число
<p>СКАРИТСА НИ О ЧТО ЖЕ ПОТРЕБНО · ДЪ ВАННА НГО НАКО <u>ЛНСТВНИК</u> ВЪТРОМА ТРАСґТЪСА · Вґ СЛОБЕСЪХґ НЕ ОУТВЕ РДИТА^с. НАГЛО СКАЧЕТЪ <u>Ї</u> СЕГО ДО СЕГО ЕфрСир ок. сер. XIV, 12068–14</p>	<p>ДОСАЖАКМА ДОСАЖАКТА · ОБИДИМА ПРОТИКИТЕА. СКАРИТСА . НИЧТОЖЕ ПО ТРЕБНО ДЪ ВАННА НГО НАКО <u>ЛНСТВНИА</u>. ВЪТРОМА СБЕПЕЩЕТСА · Вґ СЛОБЕСЪ Хґ НЕ ОУДЕРЖИТЕА . НАГЛО СКАЧЕТА · <u>Ї</u> СЕГО НА СЕГО ЕфрСир 1377, 133г22–30 (φύλλα Nom Pl)</p>

ЛУЧА

Ед. число	Мн. число
<p>И ЇЗБЕДИ ДШЮ МОЮ ЇС ТЕ МНИЦЪ ВЕЗАКОНАНИ · ДА КОСИНАЕТЪ <u>ЛУЧА</u> СЪКЪ ТЛА Вґ МОКМА ПОМЖИ САЪ ЕфрСир 1377, 191в21–25 (ἀκτίς Nom Sg „луч, сияние”)</p>	<p>ДА КОСИНАЮТЪ <u>ЛУЧА</u> СЪКЪ ТЛґИ ЕфрСир ок. сер. XIV, 189а21–22</p>

ЛЕСТА

Ед. число	Мн. число
<p>ГОРЕ ВґПРА ШАЮЩИХґ ДЪ ОКНИ Хґ <u>Е ЛЕСТАЮ</u> · И ВНИМАЮ ЩИМА <u>ЛЕСТАЮ</u> . ОУЧЕ НИЮ ВЪСКОВАНУ НАКО Е НИ МИ ОУДУАТЪСА Вґ ГРА ДУШНІ ВЪКЪ . ГОРЕ ПИШЮ ЩИМА НЕПРАВДУ . ГОРЕ ЕфрСир 1377, 249б27–249в3</p>	<p>ГОРЕ ВґПРА ШАЮЩИХґ ДЪ ОКНИ Хґ <u>ЛЕСТАМИ</u> · И ВНИ МАЮЩИМА ОУЧЕНАЮ ВЪСКОВУ · НАКО Е НИМИ ЕфрСир ок. сер. XIV, 241б26–241в2 (в греч. текста этого Поучения нет)</p>

ДѢНОСТѢ

Ед. число	Мн. число
оу лѣтѣ мнѣ како лѣтѣ оу готовѣано ѣста по моѣму зау сѣгрѣшѣши ма грѣшникомъ · ѣ к дѣноети жикшима ЕфрСир 1377, 148г30–149а4 (ἐν ἀμελείᾳ Dat Sg)	кѣ дѣноете хѣ жикшима ЕфрСир ок. сер. XIV, 137в14–15

МОЛИТКА

Ед. число	Мн. число
придѣ жно кѣ дѣне ѣ ноцидѣ · кѣ мѣтѣ кѣ ЕфрСир ок. сер. XIV, 231а26–28	по молимѣсѣ придѣ жно дѣна ѣ ноцидѣ · кѣ мѣтѣ кѣ · да кѣз мо жемѣ спѣтисѣ ЕфрСир 1377, 229а12–16 (προσευχᾱίς Dat Pl „(в) молитвах”)

НАЧИНАНИЕ

Ед. число	Мн. число
к лукавд сткѣ непобѣдимѣ · к начинани силенѣ ЕфрСир 1377, 134г9–11	к начинани хѣ силенѣ ЕфрСир ок. сер. XIV, 121б6–7 (ἐν ἐπιτηδεύμασι Dat Pl „в привычках”)

НЕКО

Ед. число	Мн. число
кѣз не сѣсѣ до нѣси ЕфрСир ок. сер. XIV, 200г19–20 (εἰς τὸν οὐρανὸν Acc Sg); градѣтѣ оу же не ѿ землѣ но ѿ не кѣсѣ · нако малѣна ст рашна · тогда будѣтѣ · канѣ великѣ сѣ нѣсѣ глѣ · се женихѣ градѣтѣ ЕфрСир 1377, 203г13–19	и препитѣ тѣ ѣлѣна прѣкѣ кѣз любикѣнѣ кѣз мо лкѣнѣ ѣ ст рахѣ кнѣ ѣ кѣз не сѣсѣ до нѣсѣ · ѡ кѣз мо лкѣнѣ лѣстѣнѣца нѣсѣнаѣ ЕфрСир 1377, 198в16–21; но ѿ нѣсѣ · како молниѣ ЕфрСир ок. сер. XIV, 207б14–15 (ἐξ οὐρανοῦ Gen Sg); канѣ великѣ сѣ не кѣсѣ 207б17–18 (в греч. слово отсутствует)

ОБИТЕЛА

Ед. число	Мн. число
ѣ тѣ любимѣ моѣ по тѣсѣ пред послати на нѣко кѣтѣстѣко · да при кѣтѣ будѣши кѣ об китѣлѣ стѣхѣ ЕфрСир 1377, 117в8–13	да при кѣтѣ будѣши ко об китѣлѣ хѣ стѣхѣ ЕфрСир ок. сер. XIV, 105г5–7 (εἰς τὰς οἰκίας Acc Pl „в обители, жилица”)

Плодѣ

Ед. число	Мн. число
дѣклеа акѣ <u>плодѣ</u> · рѣчи же акѣ листѣ кнѣ ЕфрСир ок. сер. XIV, 138г14–16 (καρπὸν καλὸν καὶ τετυνὸν „плод добрый и прелестный” Асс Sg; в славянском эта синтагма появляется ниже в отдельном предложении – уже вне точного греч. соответствия)	поне ^с етѣ кождо прѣ дѣ суди ^н емѣ су дѣа страшнаго · дѣклеа акѣ <u>плоди</u> · рѣчи же акѣ листѣ кнѣ · прѣведници носѣ тѣ плодѣ до ^к рѣ и кра се ^н ѣ ЕфрСир 1377, 150а7–13

Постѣ

Ед. число	Мн. число
ко вѣ кнѣи расла кленѣ и <u>к̄</u> постѣ дра хлѣ ЕфрСир ок. сер. XIV, 121а27–121б1	вѣ мѣ ткахѣ оу ^н зи ^а · вѣ вѣ кнѣи расла кленѣ · <u>к̄</u> постѣ хлѣ дра хлѣ · на вѣз держани ^н е непри лѣженѣ · вѣ Ѡкѣ тѣ хлѣ перодикѣ ЕфрСир 1377, 134г3–8 (ἐν νηστείας Dat Pl)

Похвала

Ед. число	Мн. число
<u>похвала</u> терпѣ кнѣи ЕфрСир ок. сер. XIV, 138г21–22 (καύχημα Асс Sg)	мѣ щни носѣ тѣ мужѣи и рани · <u>похвала</u> терпѣ кнѣи ЕфрСир 1377, 150а16–18

Преспѣ|кнѣи vs прѣдѣспѣ|кнѣи

Ед. число	Мн. число
иже хва лнѣа ^с <u>кѣ</u> преспѣ кнѣи или горднѣа ^с сѣ па дѣтѣа ^с ЕфрСир ок. сер. XIV, 135г21–24	иже хва лнѣа <u>кѣ</u> прѣдѣспѣ кнѣи хлѣ · ли горднѣа ^с спа дѣтѣа ^с ЕфрСир 1377, 147в19–21 (ἐπὶ προποταῖς Dat Pl „успехами”)

Рѣчѣ

Ед. число	Мн. число
иже оумно житѣ рѣчѣ вѣ словесѣ хлѣ сукѣ тнѣи хлѣ · мерзѣака тѣори тѣ себе прѣдѣ вѣмѣ и прѣ дѣ члѣкѣи · чинѣи же ЕфрСир 1377, 148а15–19 (в греч. этого слова нет)	и иже оумно житѣ рѣ чи вѣ словесѣ хлѣ сукѣ тнѣи хлѣ ЕфрСир ок. сер. XIV, 136в5–7

ГлАстА

Ед. число	Мн. число
<u>кѡ</u> <u>слАстѦ</u> <u>прнАхѡ</u> ѿ ЕфрСир ок. сер. XIV, 105а17–18 (ἡδέως „сладко, с удовольствием”); кѡдА нАндошА мн помѡзил скверннн н . н <u>кѡ</u> <u>слАстѦ</u> <u>прнАхѡ</u> ѿ ЕфрСир ок. сер. XIV, 105б2–5 (ἡδέως „сладко, с удовольствием”)	кѡдА оубо <u>прнѦ</u> мн похотѦ плотѦскАнА ѿ <u>кѡ</u> <u>слАстѦхѡ</u> <u>прнАхѡ</u> ю ЕфрСир 1377, 116г16–17; кѡдА нАндошА мн помѡзил скверннн н . ѿ <u>кѡ</u> <u>слАстѦхѡ</u> <u>поуучнхѦ</u> к нн хѡ ЕфрСир 1377, 117а6–10

ТѡщѦтА

Ед. число	Мн. число
<u>тѡщѦтѸ</u> тѡрѡА ЕфрСир ок. сер. XIV, 189б20 (ζημιουμένω Part. praes. med.-pass. Dat Sg „теряющему”)	оуподокихѡсА купцю оунизилѸ лѦкнн кѸ <u>тѡщѦтѸ</u> тѡрѡА по ксѡ члѡсѸ ЕфрСир 1377, 191г15–18

Дополнительные смысловые – не собственно количественные – расхождения между числовыми словоформами подчеркиваются 1) отсутствием точного греческого соответствия (срв.: кѡ слАстѦ vs кѡ слАстѦхѡ при греч. ἡδέως „сладко / с удовольствием”; тѡщѦтѸ тѡрѡА vs тѡщѦтѸ тѡрѡА при греч. ζημιουμένω Part. praes. med.-pass. Dat Sg „теряющему” и т.п.), 2) расхождением падежного оформления числовых вариантов (срв.: кѡ ѡкнѦтелѦ vs кѡ ѡкнѦтелѦхѡ; кѡ слАстѦ vs кѡ слАстѦхѡ и т.п.); 3) расхождением в предположном употреблении числовых вариантов (срв.: с лестѦю vs лестѦми); 4) различиями в морфемном составе (срв.: преспѦкннн vs предѦспѦкнннхѡ); 5) употреблением разных лексем-синонимов, при том что один из числовых вариантов соответствует греческому слову (см. ниже: рѦкнн vs слокесѡ; кѡ оубореннн vs к кѡторѦхѡ). См.:

РѦкнн vs слокѡ

Ед. число	Мн. число
<u>с</u> дѦкѡщѦемѦ не оумножи <u>рѦкнн</u> ЕфрСир 1377, 8в4–5	<u>сѡ</u> дѦкѡщѦемѦ не Ѹмножи <u>слокесѡ</u> ЕфрСир ок. сер. XIV, 11а32–34 (так же ЕфрСир 1269–1289, 8г) (λόγους Acc Pl)

Оубореннн vs кѡторѦ

Ед. число	Мн. число
<u>к</u> досаженнѦ блѦкнѦтѦ <u>кѡ</u> <u>оубореннн</u> <u>смѦрѦкнѦтѦ</u> • <u>кѡ</u> <u>безмолакнн</u> <u>мѸжѦстѦкннн</u> ЕфрСир 1377, 134б12–15	<u>кѡ</u> досаженнѦ блѦкнѦтѦ <u>кѡ</u> <u>оубореннн</u> <u>смѦрѦкнѦтѦ</u> • <u>кѡ</u> <u>безмолакнн</u> <u>мѸжѦстѦкннн</u> ЕфрСир ок. сер. XIV, 120в28–120г3 (ἐν μάχαις Dat Pl „в ссорах, драках”)

Состав лексем, соотносительных с числовым варьированием, семантически неоднороден, но это только подчеркивает свободу в употреблении вариативных словоформ и независимость самого факта варьирования от семантических типов лексики. Тем не менее, как можно предполагать, функционально-семантическое распределение числовой вариативности в этих случаях будет носить различный характер.

Ед. число вместо ожидавшегося мн. числа приобретает характер особого рода отвлеченной номинации – концепта „предмета-вещи”, становясь обозначением всего субстанционального класса, а не какого-то единичного и конкретного его проявления. Грамматическая форма ед. числа выступает как обозначение сигнификата и никак не коррелирует с потенциальным грамматическим значением единичности. Эта функция Sg-форм очень ярко проявляется в следующем чтении, где представлено существительное с конкретно-предметным значением:

Ед. число	Мн. число
<p>бѣжи дѣла кода дше моѣ и дѣлаѣ ѿго • ненавидѣи чѣвѣа чѣккоукиѣца кста • дше к нему приступиши не пощадитѣ ти пожи келѣи • ѡстаки лукака го прилѣписѣ чѣккоу кци кѣѣ ЕфрСир 1377, 163а7–15 (в греч. представлен вместо славянской синтагмы композит $\mu\acute{\iota}\sigma\alpha\nu\theta\rho\omega\lambda\omicron\varsigma$ Nom Sg „человеконенавистник”)</p>	<p>бѣжи дѣла кода и дѣлаѣ ѿго о душе моѣ • ненавидѣи чѣвѣѣ и чѣккоукиѣца кста • и дше к нему приступиши не пощадитѣ ти пожи келѣи • ѡстаки лукака го и прилѣписѣ чѣкко люкцѣ кѣѣ ЕфрСир ок. сер. XIV, 153б10–19</p>

Таким образом, у сингулярных словоформ обнаруживается семантика, которая не имеет отношения к предполагаемому грамматическому значению, связанному с обозначением единичного предмета.

В других случаях замены плюральных форм – исходных, судя по греческому соответствию, – на сингулярные связаны с элиминацией дополнительного значения, которое они имеют в славянской речи, т.е. с нейтрализацией значения много- или сложносоставности обозначаемого предмета, с акцентом на общей идее, концепте предмета. Употребление ед. числа в этом случае также связано не столько с грамматическим значением единичности, сколько с потребностью назвать явление как таковое, в отвлечении от конкретной реальности (срв.: на бракѣ vs на бракъѣ, ѿ крашна vs ѿ крашенѣ, кѣ грѣсѣ vs кѣ грѣсѣхѣ, (получити) млѣтѣ vs млѣти, молка vs молкъѣ, плодѣ vs плодѣѣ, игръѣ vs игръѣ, кѣ млѣтѣ vs кѣ млѣтѣхѣ, к начинани vs к начинанихѣ, кѣ постѣ vs кѣ постѣхѣ, рѣчи vs словеса и под.).

Напротив, замены исходных словоформ ед. числа на мн. число обусловлены именно смысловой насыщенностью плюральных форм, выражающих значение денотативной сложно- и многосоставности или денотативной, субстанциональной интенсивности. Обычно такие замены связаны с отвлеченной предметностью; срв.: *КЛЕКЕТА* vs *КЛЕКЕТЪ*, *ЛУЧА* *СКЪТЛА* vs *ЛУЧА* *СКЪТЛЪ*, *С ЛЕСТА* и *ЛЕСТАЮ* vs *ЛЕСТАМИ*, *К ЛЪКНОСТИ* vs *КЪ* *ЛЪКНОСТЕХЪ*, *ПОХКАЛУ* vs *ПОХКАЛЪ* и др. При отсутствии точных греческих параллелей числовые варианты соотносятся с той же логикой: *КЪ* *СЛАСТА* vs *КЪ* *СЛАСТЕХЪ*, *ТЩЕТУ* (*тқорл*) vs *ТЩЕТЪ*.

„Общее грамматическое значение, выражаемое маркированным, сильным членом бинарной привативной оппозиции, связано с какими-то сущностями внеязыковой действительности непосредственно. В этом смысле грамматическое значение сильного члена оппозиции можно назвать «мотивированным». Общее грамматическое значение, выражаемое формами слабого члена привативной оппозиции, игнорирует данную внеязыковую сущность (реальную связь или отношение), оставляя ее невыраженной. Общее грамматическое значение слабого члена оппозиции определяется исключительно его местом в системе бинарных противоположений, не отражая никаких реальных сущностей (связей, отношений, признаков) внеязыковой действительности. В этом отношении значение слабого члена бинарной привативной оппозиции можно назвать чисто реляционным, или внутриязыковым. Такова диалектика языкового знака” [Исаченко, 1961, с. 42–43]. Далее отмечается: „То, что традиционно называется категорией «грамматического числа», на поверку оказалось категорией «выраженной/ невыраженной расчлененности» денотата” [Исаченко, 1961, с. 43]. Полагаем, что значение расчлененности не может быть принято в качестве опорного для числовых форм: срв., с одной стороны, его неприменимость к обозначениям недискретной массы или отвлеченным обозначениям *кръки*, *лкъности* и под., а с другой стороны, смешение внутренней и внешней разложимости или раздельности в обозначениях *дкъри*, *лудкъ* и под. Вместе с тем нельзя не согласиться с характеристикой „сильного” и „слабого” члена оппозиции по их отношению к денотату или референту². Маркированный член оппозиции сигнализирует о реальности, конкретности, бытийности обозначаемых предметов, в то время как немаркированный член в результате оказывается связан с идеей (сигнификатом, концептом) обозначаемых предметов. В напряженном взаимодействии членов оппозиции развивается вторичная,

² Референт – конкретный, текущий, ситуативный денотат.

отраженная категориальность, в результате чего привативная оппозиция может функционировать как эквивалентная. Таким образом, содержательным основанием категории числа все-таки является именно количество, которое вместе с тем выступает как форма, проявление экзистенциальности, бытия предметов. Бытие предметов как количество проявляется не только в возможности счёта их ряда, но и в протяженности, сложносоставности, раздельности или обилии недискретной массы.

Безусловно, определенную роль в числовых менах играет контекст, и выбор числовой формы выступает как реакция на соседние формы, срв. замены ед. числа на мн. число в сравнительных оборотах: д'кънина юго яко листкина; д'къла акы плоди; оумножитъ р'къчи. Особенно показательно употребление словоформы листкина. Дело в том, что „исходная” форма листкинѣ уже обозначает множество, являясь собирательным существительным, однако писец заменяет ее, реагируя на соседнюю словоформу д'кънина. Однако важно то, что замена не является окказиональной. Именно в этот период плюральные формы собирательных существительных получают распространение. Возможно, словоформа мн. числа листкина для данного существительного вообще является наиболее ранней – судя по тому, что в СДРЯ (IV: 404), отличающегося разнообразием приводимых словоформ, мн. число в статье ЛИСТКИНѢ отсутствует. В этом разночтении отчетливо выступает модель, которая привела в дальнейшем к масштабному распространению пар Sg vs Pl, где плюральная основа получила йотовое наращение: *гроздь – гроздьа, дерево – деревья, дно – донья, звено – звенья, зуб – зубья, колос – колосья, крюк – крючья, лист – листьа, обод – ободья, перо – перья, повод – поводья, полено – поленья, полоз – полозя, прут – прутья, сук – сучья* и под.

В ЛЭС [1990, с. 473] отмечается, что категория собирательности в сигнификативном плане передает единство, а в денотативном – дискретное множество с акцентом на качественной однородности предметов, составляющих множество. Таким образом, она совмещает в себе противоречивые семантические признаки. Развитие плюральных форм на *-ья* устраняло эту противоречивость и отчетливо проясняло денотативный мультипликативный аспект. Срв. соседство в одном контексте из *Лаврентьевской летописи* новой плюральной формы собирательного существительного *трупья* < *трупье* рядом с исконной формой собирательного существительного *деревьє*:

а трупья коньа т'къ покеа'к по деревлю изд'къшати. Шимаа голоку и пракую р'ку ЛЛ 1377, 170 (12..) [СДРЯ II: 454].

Развитие модели *лист – листья* (< *листье*), где внимание акцентируется на денотативном компоненте категориальной семантики, со своей стороны проясняет и плюральные замены в случаях типа *лѣстѣ – лѣсти*, *мѣсо – мѣса*, *грѣхѣ – грѣси* и под. Подобные мены означают смысловую выделенность денотативной составляющей, акцент на фактивности, реальности, бытийной стороне предметов.

Мотивированный характер носит замена словоформы *к которѣхѣ* на *къ оукоренѣи*. Она объясняется общим контекстуальным окружением – соответствующими производными на *-(ен)ѣj-* того же типа: *к догаженѣи кѣгѣкѣнтѣ* | *къ оукоренѣи смѣкранѣтѣ* • *к безмоукаѣи муждасткѣнѣ* ЕфрСир 1377, 134612–15. Выравнивание числовых форм, обозначающих отвлеченные действия, для переписчика оказалось более важным, нежели смысловое отступление от оригинала в виде лексической замены.

Традиционный характер имеет варьирование числовых форм слова *неко*. Если ед. число передает значение субстанциональной целостности (а отнюдь не числовое значение единичности), то мн. число связано с глубоко архаичными представлениями о субстанциональной многосоставности (срв. отражение этих представлений во фразеологизме *на седьмом небе*) [см. Григорьев, 2006, с. 39 и сл.]. В канонической литературе они получили новую жизнь. Срв. в послании апостола Павла:

Знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет (в теле ли – не знаю, вне ли тела – не знаю: Бог знает) восхищен был *до третьего неба*, 2 Коринфянам, 12:2–4.

Обращает на себя внимание то, что, как и в древнеславянском, предлог *до* здесь не имеет ограничительного значения: *до третьего неба*, по существу, тождественно *на третье небо* – в рай. Если в единственном числе существительное основ на **es неко* изредка встречается с новыми формами по *o*-склонению, то во мн. числе это оказывается невозможным. Таким образом, здесь постепенно складывается новая морфологическая модель противопоставления ед. и мн. числа: *небо, неба – небеса, небес; чудо, чуда – чудеса, чудес; слово, слова – словá, слов vs словеса, словес; тело, тела – телá, тел vs телеса, телес*³.

В некоторых случаях мена числовых форм несет смысловые потери: *да принаѣтѣ кудѣши къ ѡкитѣлѣ стѣхѣ* ЕфрСир 1377, 117в8–13 вместо *да принаѣтѣ кудѣши ко окителехѣ стѣхѣ* ЕфрСир ок. сер. XIV, 105г5–7. Теряется аллюзив-

³ Плюральные формы *словеса, телеса* характеризует семантико-стилистическая маркированность.

ный характер контекста, срв.: В доме Отца Моего *обителей* много, Иоанн, 14:2. Вместе с этим утрачивается важный смысловой аспект – представление о предполагаемой экзистенциальной многосоставности и сложном разнообразии „третьего неба”.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Источники

- БГД XIII – *Беседы Григория Двоеслова на Евангелие (XIII в.)*, РНБ, Погод. 70. 328 л.
- ГрБ (+ номер грамоты) – *Грамоты берестяные*, 2004, изд. Зализняк А.А., Издательство Языки славянской культуры, Москва.
- ЕфрСир 1377 – *Паренесис* Ефрема Сирина (1377 г.), БАН 31.7.2. 258 л.
- ЕфрСир ок. сер. XIV – *Паренесис* Ефрема Сирина (около середины XIV в.), РГБ, Тр. 7. 245 л; Казанская коллекция 2007–2017.
- Зл XII – *Златоструй* (XII в.), РНБ, Ф.п.1.46. 198 л.
- Казанская коллекция 2007–2017 – Электронная коллекция славяно-русских памятников письменности XII–XIV вв., Казанский федеральный университет, лаборатория „Палеославистика” ИАС, „Манускрипт”, (<http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=54>; последнее обращение: 12.03.2018).
- ПрС XII/XIII – *Пролог Софийский (XII–XIII вв.)*, РНБ, Соф. 1324. Л. 1–160.
- ПС к. XI – *Синайский патерик*, 1967, изд. подгот. В.С. Голышенко, В.Ф. Дубровина, Издательство Наука, Москва.
- СБУ XII/XIII – *Успенский сборник XII–XIII вв.*, 1971, изд. подгот. О.А. Князевская, В.Г. Демьянов, М.В. Ляпон, Издательство Наука, Москва.
- СДРЯ – *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*, 1988–2016–. т. I–XI–, гл. ред. В.Б. Крысько, Издательство Азбуковник, Москва.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гиппиус Алексей, 1989, *Система формальных признаков языка древнерусской письменности как предмет лингвистического изучения*, „Вопросы языкознания”, № 2, с. 93–110.

- ГРИГОРЬЕВ Андрей, 2006, *Русская библейская фразеология в контексте культуры*, Издательство Индрик, Москва.
- Жолобов Олег, 2007, *Корпус древнерусских списков Паренесиса Ефрема Сирина. I: РГАДА, Син. 38*, „Russian Linguistics”, vol. 31, с. 31–59.
- Жолобов Олег, 2009, *Корпус древнерусских списков Паренесиса Ефрема Сирина. II: РНБ, Погод. 71а*, „Russian Linguistics”, vol. 33, с. 37–64.
- Жолобов Олег, 2011, *Корпус древнерусских списков Паренесиса Ефрема Сирина. III: I: БАН 31.7.2*, „Russian Linguistics”, vol. 35, с. 361–380.
- ЗАЛИЗНЯК Андрей, 2004, *Древненовгородский диалект*, 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг., Издательство Языки славянской культуры, Москва.
- ИОРДАНИДИ Софья, КРЫСЬКО Вадим, 2000, *Множественное число именного склонения*, Издательство Азбуковник, Москва. (*Историческая грамматика древнерусского языка*; т. I; под ред. В.Б. Крысько).
- ИСАЧЕНКО Александр, 1961, *О грамматическом значении*, „Вопросы языкознания”, № 1, с. 28–43.
- КАМЧАТНОВ Александр, 2005, *История русского литературного языка: XI – первая половина XIX века*, Издательский центр Академия, Москва.
- КОНЯВСКАЯ Светлана, 2004, *Семантическое словообразование в системе числа существительных: синхрония и диахрония*, Издательство РФК-Имидж Лаб, Москва.
- КУЗНЕЦОВ Анатолий, 2014, *Перфект и другие претериты в прямой речи на материале Маринского евангелия*, „Acta Slavica Estonica V. Труды по русской и славянской филологии XVI. Антропоцентризм в языке и речи”, отв. ред. И.П. Кюльмоя, Тарту, с. 273–284.
- ЛАЙОНЗ Джон, 1978, *Введение в теоретическую лингвистику*, Прогресс, Москва.
- ЛЭС 1990 – *Лингвистический энциклопедический словарь*, 1990, гл. ред. В.Н. Ярцева, Издательство Советская энциклопедия, Москва.
- НОВАК Мария, 2016, *Формы перфекта в древнерусских списках Паренесиса Ефрема Сирина*, „Научное наследие В.А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы: тр. и матер. междунар. конф. (Казань, 31 октября–3 ноября 2016 г.): в 2 т.”, т. 1, Издательство Казанского университета, Казань, с. 262–267.
- ШУЛЬГА Мария, 2003, *Развитие морфологической системы имени в русском языке*, Издательство Московского государственного университета леса, Москва.

- ЯРЦЕВА Виктория, 1990, *Проблемы языкового варьирования: исторический аспект*, „Языки мира: проблемы языковой вариативности”, отв. ред. В.Н. Ярцева, Наука, Москва, с. 4–35.
- BOJKOVSKY Georg, 1984, *Paraenesis. Die altbulgarische Übersetzung von Werken Ephraims des Syrers*, Bd. 1, U.W. Weiher, Freiburg i. Br. (Monumenta linguae slavicae dialecti veteris; t. XX).
- BOJKOVSKY Georg, AITZETMÜLLER Rudolf, 1986, *Paraenesis. Die altbulgarische Übersetzung von Werken Ephraims des Syrers*, Bd. 2, U.W. Weiher, Freiburg i. Br. (Monumenta linguae slavicae dialecti veteris; t. XXII).
- BOJKOVSKY Georg, AITZETMÜLLER Rudolf, 1987, *Paraenesis. Die altbulgarische Übersetzung von Werken Ephraims des Syrers*, Bd. 3, U.W. Weiher, Freiburg i. Br. (Monumenta linguae slavicae dialecti veteris; t. XXIV).
- BOJKOVSKY Georg, AITZETMÜLLER Rudolf, 1988, *Paraenesis. Die altbulgarische Übersetzung von Werken Ephraims des Syrers*, Bd. 4, U.W. Weiher, Freiburg i. Br. (Monumenta linguae slavicae dialecti veteris; t. XXVI).

Oleg Zholobov

WARIANTYWNOŚĆ FORM W ZAKRESIE LICZBY W PIŚMIENICTWIE
STARORUSKIM: *SINGULARIS* VS *PLURALIS*

Streszczenie

Autor rozważa w artykule niecodzienny typ wariantywności w języku staroruskim: *singularis* vs *pluralis*. Jego uwagę zwracają przede wszystkim takie sytuacje we współczesnym języku rosyjskim, gdy zamiast dawnej wariantywności form liczby występują formy *singularia tantum* i *pluralia tantum*. Zdaniem autora przypadki wariantywności form w zakresie liczby można wyjaśnić podwójną naturą znaków językowych – sygnifikatywnych i denotatywnych. Forma gramatyczna liczby pojedynczej jest wyrażeniem *significatum* i w żadnym wypadku nie koreluje z potencjalnym gramatycznym znaczeniem jednostkowości. Wręcz przeciwnie, zastąpienie wyjściowych, oryginalnych form wyrazu w liczbie pojedynczej liczbą mnogą jest właśnie spowodowane semantycznym nasyceniem form pluralnych, odzwierciedlających złożoność obiektów lub ich substancjonalną (rzeczową) intensywność. Oznaczony, pozytywny człon opozycji – *pluralis* – sygnalizuje realność, konkretność, bytowość określanых obiektów, podczas gdy nieoznaczony, negatywny człon okazuje się być związanym z ideą (konceptem) nazwanych obiektów. W intensywnej interakcji członów opozycji rozwija się wtórna, odzwierciedlona kategoriałność, w wyniku której prywatywna, jednostronna opozycja może funkcjonować jako ekwipolentna, dwukierunkowa.

VARIABILITY OF NUMERICAL FORMS IN OLD RUSSIAN WRITING:
SINGULARIS VS PLURALIS

Summary

The article considers an unusual type of variability in the Old Russian – *singularis vs pluralis*. Attention is drawn first of all to cases where in the modern Russian language, instead of the ancient variability of numerical forms, the words *singularia tantum* and *pluralia tantum* are found. We believe that cases of numerical variability have an explanation in the dual nature of verbal signs – *significative* and *denotative*. The grammatical form of the singular appears as an expression of *significatum* and does not correlate with the potential grammatical meaning of singularity. On the contrary, the replacement of the original word forms of the singular by the plural is due precisely to the semantic saturation of the plural forms reflecting the complexity of the objects or the substantial intensity. The marked member of the opposition – *pluralis* – signals the reality, concreteness, the beingness of the designated objects, while the unmarked term results in the idea (*signification*, *concept*) of the designated objects. In tense interaction of opposition members, a secondary, reflected categoriality develops, as a result of which the private opposition can function as an equipollent one.